

Он Калининский фронт прошёл,
В сорок третьем вернулся домой.
И контужен, и ранен был,
Потому и отправлен в тыл.

Только он не приехал к семье —
Ещё чувствовал силу в себе.
Челюсть сломана и без зубов,
Разговаривать вовсе не мог.

Он к врачам попросился снова —
Руки, ноги почти здоровы,
В санитарный поезд чтоб взяли,
Ну а те спорить сильно не стали.

А в вагонах и стоны, и слёзы,
И отчаянный скрежет зубов.
Плакал тот, кто знал, что не сможет
Никогда сам подняться вновь.

Он поил и кормил их из ложки,
Тех, кто сам это делать не мог,
Облегчал их страданья немножко
И просил: «Помоги ему Бог».

*Тем, кто был без руки иль ноги —
Или даже сразу без двух,
Тем, кому не носить сапоги,
Волю, силу вселял им, дух.*

*Ну а тех, кто духом совсем упал,
Как дитя, кто ночами в подушку рыдал,
Говорил: «Ну кому я такой нынче нужен?
До войны был отцом и мужем.
А теперь, — тряс, — вот эти культы!
Как в семью мне родную идти?!» —*

*Их отец уговаривал снова,
Снова каждого, будто родного.
Несмотря на увечья и раны
(Сам почти говорить не мог),
Тихим шёпотом неустанно
Повторял: «Помоги ему Бог».*

*Успокаивал: «Нужен ты всем,
Ты вернёшься — жена ждёт и дети.
Дорог будешь ты им уже тем —
Жив остался на этом свете».*

*И под стуки и скрип колёс
И почти монотонный шёпот,
Кто не сдерживал раньше слёз,
Засыпал под тяжёлый ропот.*

*Ну а те — обожжённые лица,
Да ещё без руки иль ноги, —
Говорили: «Ждут дома кормильца», —
И молились: «Господь, помоги!»*